

што Беларусь верне аўтарытэт еўрапейскай краіны і дасць сучаснаму свету сваё, арыгінальнае бачанне многіх праблем.

¹ Гл.: Л е н к Х. // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 390—391.

² Гл.: С т ё п и н В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 48—49.

³ Там жа. С. 50.

⁴ Г у с о ў с к і М. Песня пра зубра. Мн., 1981. С. 76.

⁵ Там жа. С. 39.

⁶ Там жа. С. 33.

⁷ Там жа. С. 31.

⁸ Там жа. С. 61.

⁹ Ю х о Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мн., 1992. С. 170.

¹⁰ Г у с о ў с к і М. Песня пра зубра. С. 41.

¹¹ Там жа. С. 75.

Р. Н. ДОЖДИКОВА

ПРОБЛЕМА АМБИВАЛЕНТНОСТИ ТЕХНИКИ

Феномен техники приобретает в наше время поистине мистические очертания. «Демонизм» техники проявляется в том, что, созданная человеком, она выходит из-под его власти и начинает определять его судьбу, а также судьбу человечества. Фаустовский договор с научно-техническим прогрессом выражается в том, что нарастающая ущербность душевной жизни человека, нравственная и духовная деградация оказываются той ценой, которую вынужден платить человек за социально-бытовой комфорт. В этом проявляется амбивалентность техники, которая, с одной стороны, облегчает жизнь человека, а с другой, представляет собой реальную угрозу его существованию.

Тайна техники во многом заключена в самом этом понятии. В древней Греции *technè* означало, во-первых, искусство, во-вторых, многостороннее умение изготавливать полезные для жизни предметы, создавать искусственные, не существующие в природе объекты. М. Хайдеггер считал, что греческое слово *technè* семантически близко слову *episteme*. Оба они именуют знание в самом широком смысле, означают умение ориентироваться, разбираться в чем-то. Знание приносит ясность, оно есть раскрытие потаенности. Техника есть вид раскрытия потаенности, она есть про-из-ведение¹. По утверждению В. Шадевальда, техника — это искусство во всякого рода производстве. *Technè* — такое знание и способность, которые направлены на производство и конструирование и, таким образом, занимают среднее положение между просто опытом или ноу-хау и теоретическим знанием². К. Ясперс видел в технике совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой³. Э. Капп рассматривал технические орудия как проекции, продолжение и усиление человеческих органов. Развивая эту мысль, А. Хунинг говорит о том, что пока мы достигли зоологической стадии техники. Теперь мы приближаемся к поистине антропологической технике⁴.

Н. Бердяев трактовал понятие «техника» в широком и узком смысле. В широком смысле «техника» — это индустрия, искусство, в узком смысле *technè* — значит фабриковать, искусно создавать. Существует не только промышленная техника, но и техника мышления, стихосложения, живописи, танца и даже духовной жизни. Так, йога — это своеобразная духовная техника⁵. Ф. Рапп также дает два определения техники: узкое и широкое. В первом случае техника заключает в себе конкретные материальные артефакты, создаваемые и используемые методами инженерной деятельности, во втором — техника распространяется на любого рода эффективную методологическую деятельность⁶.

Обобщив рассмотренные определения, можно сказать, что техника — это искусственно созданные средства деятельности человека. С этой точки зрения различают пассивную и активную технику. Пассивная техника включает производственные помещения, железные дороги, мосты, каналы, телефон, радио, телевидение. Активная техника состоит из орудий (инструментов), машин и аппаратуры управления машинами. Орудия делятся на орудия умственного труда (компьютеры) и орудия жизнедеятельности человека (очки,

слуховые аппараты, протезы и т. д.). Изменение этимологического значения данного понятия отражает реальные изменения, происшедшие в технике и в человеке, создающем ее.

В истории техники можно выделить три ступени развития: орудия ручного труда (инструменты), машины (на уровне механизации), автоматы (на уровне автоматизации). Если первоначально под техникой понимали искусство создания нового, ранее не существующего, то возникший в дальнейшем акцент на инструментальном характере техники привел к формированию так называемого «инструментального разума», руководствующегося правилом: «Можешь — значит должен». Когда Э. Теллер, «отец водородной бомбы», в интервью для «Bild der Wissenschaft» (1975) говорил, что ученый или человек техники «должен применять то, что он понял, и при этом не ставить себе никаких границ», «что можно понять, то следует также применять», то это был намек на трансформированную идеологию технократической делаемости. Постепенно из средства техника становится целью. Это проявляется в так называемой некрофилии современного кибернетического человека, который предпочитает мертвое живому, например, любит машину (свой автомобиль) больше, нежели собственную жену (Э. Фромм).

По Н. Бердяеву, человек в своем развитии проходит три этапа рабства: вначале он — раб природы, затем — раб государства, национальности, классов, ныне он становится рабом техники, машины, в которую превращено общество и незаметно превращается сам человек.

Механизация, автоматизация и связанная с ними «массовизация» производства лишают людей индивидуальности, создают разновидность социальных роботов. Действительно, миллионы людей встают примерно в одно и то же время, устремляются к месту работы, синхронно запускают машины. И чем выше уровень развития техники, чем сложнее техника, тем более стандартизированными, одинаковыми становимся мы. Подобная механизация жизни производит впечатление конца духовности в мире. Человек оказывается в плену технологического блефа (Ж. Элльполь). Он уже не является «мерой всех вещей», а «вещь» становится мерой человека, всесильным господином и даже диктатором.

Производство становится анонимным. Дазманизм (М. Хайдеггер), обезличивание, проявляется и в том, что людям оказывается «удобнее» и проще жить, рассматривая себя как существа, подобные другим, т. е. объекты, а не субъекты. И поэтому «человек живет либо в состоянии глубокой неудовлетворенности собой, либо отказывается от самого себя, чтобы превратиться в функционирующую деталь машины»⁷.

Приход технократического «старшего брата» создает опасность всеохватывающей технократии. Развитие компьютерной и электронно-вычислительной техники делает настоящей проблемой возникновения тотального технократического контроля над личностью на основе собранных об этой личности данных. Возникает угроза частной жизни, «тайне данных», угроза использования личных данных в коммерческих и общественных целях. «Технологический императив» (нет границ для применения технического знания), пришедший на смену кантовскому императиву («долженствование незримо содержит в себе умение»), становится опасен. Инженер с «инструментальным разумом» может действовать как лишенный гибкого и нормального человеческого интеллекта робот, не способный учитывать интересы человека и подчиняющийся все потребностям техники и производства.

Да, знание — это огромная сила, которая может стать разрушительной, если ею неумело управлять. Отсюда возникает задача установления границ развития технического знания. Мерой оценки знания и его дальнейшего применения должен стать сам человек, его здоровье и жизнь. Замечание Ф. Бэкона о том, что над природой можно господствовать, если мы сумеем прислушаться к ней, требует считаться с законами природы, которые ставят изобретательству определенные границы.

Современное общество можно охарактеризовать как техническую цивилизацию, в которой человек не только конструктор мира, но и объект конструирования, так как техническое общество заранее планирует и определяет условия и смысл индивидуального и социального бытия человека. Таким образом, человек сам становится объектом технического преобразования. Это проявляется в следующем.

— Растет число людей, которых затрагивают технические мероприятия или их побочные эффекты. Затронутые этим люди зачастую уже более не находятся в непосредственном взаимодействии с теми, кто вмешивается в их жизнь, т. е.

происходит отчуждение людей друг от друга. Так, телевидение вызывает у детей серьезные нарушения: утрату способности сосредоточиваться, неустойчивость, неграмотность.

— Природные системы становятся предметом негативной человеческой деятельности. Нарушение или разрушение их влечет за собой изменение климата, лучевое поражение, технологическую эрозию и т. д.

— Возрастают возможности вмешательства и воздействия в области медико-биологических и экологических взаимосвязей. Встает проблема ответственности за нерожденных.

— Сам человек становится предметом научного исследования, научных и технических экспериментов.

— В области генной инженерии возникает возможность искусственного евгенического изменения видов другой жизни и себя самого.

— Человек превращается в объект техники: потенциально — с помощью генетических манипуляций; непосредственно — через фармакологические воздействия и массовые внушения с помощью транквилизаторов или пороговых воздействий.

Критики технического прогресса утверждают, что он отчуждает человека от его труда и от него самого и ведет к бездушной рациональности. Все это свидетельствует о «технологической уязвимости человеческого рода». Технологическая уязвимость человеческого рода отражает отрицательные стороны научно-технического прогресса: 1) невозможность естественно-природного процесса исправления и коррекции человеческих ошибок; 2) перспективы перехода экологического хаоса в экологическую катастрофу; 3) угрозу военного атома; 4) ограниченность возможностей современного научного познания в создании модели экологически чистого производства.

Все это свидетельствует о превращении человека в заложника НТП. Чтобы преодолеть «технологическую болезнь» нашего времени, человек должен действовать исходя из категорического императива этики будущего, сформулированного Хансом Йонасом: «Поступай так, чтобы последствия твоих действий были совместимы с постоянством подлинно человеческого бытия на Земле». Это «подлинно человеческое бытие» есть нечто большее, чем простое выживание человеческого вида. Оно включает в себя также внимание к достоинству и свободе человека и жизненные условия, которые обеспечивают каждому человеку жизнь, достойную человека данной исторической эпохи.

Главный тезис книги Йонаса «Принцип ответственности: опыт этики для технологической цивилизации» сводится к тому, что гигантская технологическая мощь человека и динамизация жизненных обстоятельств в индустриальном мире угрожают природе (включая самого человека) негативным воздействием промышленных процессов. Поэтому необходимо расширить сферу применения моральной ответственности: осуществить переход от концепции ответственности виновного к ответственности человека-«опекуна» или человека-хранителя, от призыва к ответственности *ex post* («после того») к своевременной заботе об ответственности и предупреждающей ответственности, а от ориентированной на прошлое ответственности за результат действий к ориентированной на будущее самоответственности, которая определяется способностью контролировать и возможностью располагать властью. Для этого необходим переход цивилизации от этапа технокультуры к новому этапу, на котором ведущей становится уже социокультура.

Важнейшей задачей философии является рефлексия целей, ценностей, им соответствующих приоритетов и предпочтений. Так, комиссия союза немецких инженеров определила восемь центральных ценностных областей технической деятельности: способность функционирования, экономичность, благосостояние, здоровье, безопасность, качество окружающей среды, качество общества и развитие личности.

Эти ценностные области взаимосвязаны между собой, например, безопасность способствует здоровью, а экономичность — благосостоянию. В сегодняшней оценке техники речь идет о том, чтобы как при изготовлении, так и при применении технических систем исключить возможные угрозы здоровью даже тогда, когда конечный продукт способствует улучшению здоровья, а процесс производства этого продукта опасен для него. Современный инженер обязан прислушиваться не только к голосу ученых и технических специалистов, но и к голосу собственной совести, к общественному мнению, особенно если результаты его работы могут повредить здоровью, изменить образ жизни людей, затронуть сохранность памятников культуры, нарушить природную среду. Для этого необ-

ходимо переориентировать инженерное образование, изменить стиль мышления инженера и проектировщика. Только на базе всеобъемлющей гуманитарной культуры возможно решение грандиозных социальных задач.

Техника служит не только облегчению и освобождению, но создает также новые тяготы и зависимости. Она считается гарантом человеческого развития и социального прогресса, однако вызывает также бесчеловечные и разрушительные последствия, предстает то как проклятие, то как благодать, то как наказание, то как спасение. И тем не менее техника — это только средство. Сама по себе она ни хороша, ни дурна. Все зависит от того, что из нее сделает человек. Следовательно, проблема техники — это одновременно проблема социальной и экологической ответственности, а также самоответственности человека, создающего ее.

¹ См.: Хайдеггер М. // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 50.

² См.: Шадевальд В. // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 99.

³ См.: Ясперс К. // Новая технократическая волна на Западе. С. 120.

⁴ Хуниг А. // Философия техники в ФРГ. С. 400.

⁵ Бердяев Н. А. // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 148.

⁶ Рапп Ф. // Философия техники в ФРГ. С. 30.

⁷ Ясперс К. Указ. раб. С. 121.

Т. Г. РУМЯНЦЕВА, Ю. В. БАРАНЧИК

«ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА КАК ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ

С конца XIX в. и по настоящее время внутри философии наблюдается сближение и синтез различных направлений и течений; происходит становление неклассических и постклассических стратегий философствования: философия жизни, аналитическая философия, структурализм, деконструктивизм и т. д. Происходит своеобразный процесс слияния философии и литературы, который имеет свои жизненные истоки в экзистенциализме, а в более поздний период проявляет себя в творчестве таких всемирно известных писателей, как Х. Кортасар и Х. Л. Борхес. Все это сказывается на том, что трансформируются стиль и форма профессионального изложения, способы подхода к проблемам, которые прежде, в классической парадигме, представлялись неизменными. Поэтому одной из настоятельных потребностей (и двадцатого столетия в особенности) является определение того, что позволяет тому или иному тексту быть причисленным к разряду собственно философских, а не искусствоведческих или научных работ. Особенно важным становится выяснение специфики работы механизмов мышления в философии, которые проявляют себя в совершенно особом функционировании языка.

В данной статье анализируются две проблемы. Первая из них — проблема понимания предмета и сущности философии в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна — выступает в роли своеобразного пролога к главной теме всей статьи. В целом же речь пойдет о поиске тех возможных оснований, которые позволили бы нам отнести текст «Логико-философского трактата» к текстам собственно философским.

Проблемы философии анализируются Л. Витгенштейном в нескольких фрагментах «Логико-философского трактата». Смысловым ядром такого рода высказываний можно считать афоризм 4.112, в котором наиболее полно представлена позиция самого автора «Трактата». Основная мысль Л. Витгенштейна заключается в том, что философия — не теория, а деятельность, заключающаяся в логическом прояснении мыслей. Такое понимание исходной интенции мыслителя было достаточно адекватно воспроизведено в советской историко-философской литературе. Так, А. Д. Грязнов по этому поводу пишет следующее: «Философия, по Витгенштейну, есть особого рода деятельность по прояснению предложений нашего языка и в этом плане она отлична от деятельности ученого»¹. По мнению другого исследователя — Е. А. Баллаевой, «центральный вопросом в философии Л. Витгенштейна является вопрос: как возможен язык и, следовательно, мышление? Витгенштейн предполагал разрешить его посредством логического анализа языка»².

Результатом такой деятельности становится не некоторое количество философских предложений, а их прояснение. Но само по себе это прояснение не может